
УДК 94(476): 930.2

ШЛЯХТА ВКЛ В ЛЕТОПИСЯХ XIV – XVI ВЕКОВ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Наталья Козловская
Гродно, Беларусь

Статья посвящена вопросу репрезентативности летописей XIV– XVI вв. как исторического источника по истории шляхты Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, шляхта, летописи

Летописи и хроники выступают основным жанром историко-литературных произведений эпохи средневековья и раннего нового времени. Они рисуют мир человека посредством кратких и сухих записей основных событий политической истории, борьбы с внешними врагами, природных бедствий и катастроф. Как ни парадоксально, на фоне «всемирного» охвата событий, важных с точки зрения летописца/хрониста, их универсальности и всеобщности, на фоне формальной фиксации произошедшего летописи содержат значительный фактологический материал как по биографиям отдельных представителей шляхетского сословия, так «коллективного портрета» шляхты в целом.

Обращение к текстам летописей как ключевому историческому источнику по истории Русского государства, ВКЛ – тема, безусловно, не новая. В контексте данной статьи хотелось бы обратить внимание на работы российского историка П.Стефановича [1], белорусских исследователей А.Шаланды [2], Ю.Микульского [3], А.Груши [4], австрийского учёного М.Мозера (M.Mozer) [5]. Вместе с тем, трудно не согласиться с утверждением В.Т. Пашуто, что «исторический источник неисчерпаем» [6, с. 45], и каждый исследователь найдёт возможности приложения своих сил в обращении к уже изученным текстам.

В широком кругу источников, привлекаемых к изучению истории шляхты ВКЛ XIV – XVI в., летописи по праву занимают особое место.

Обращаясь к летописям нужно учитывать ряд моментов. Во-первых, это взгляды и позиция автора («пролитовская», «промосковская», «проновгородская», «пропсковская»), его симпатии/антипатии, собственные впечатления от фиксируемых событий. В качестве примера (несколько вы-

ходящего за хронологические рамки статьи) можно привести летописные характеристики псковского князя Довмонта (? – 1299) и великого князя Литовского Витовта. Так, в Псковской 2-ой летописи князь Довмонт рисуется тепло и с любовью, с использованием самых ярких эпитетов: «блоговерный», «блаженный», «боголюбивый», «...в множестве ярости мужества своего...» [7, с. 16–18]. Характеристика Витовта не менее яркая, эпитеты не менее сильные. Но если Довмонт – олицетворение добра и света, то Витовт – тьмы и зла: «поганый отступник правые веры христианския и отметник божи, сын диаволь, неверник правде...» [7, с. 31].

М.Мозер обращает внимание, что литовские династы называются в летописях по именам собственным только начиная с 1215 г.: «Миндовга можно считать как первого литовца, который был воспринят в летописях как личность» [5, с. 243].

Во-вторых, во время составления летописи, её копирования неизбежны были ошибки и погрешности хронологического, географического порядка, наблюдалась путаница в именах собственных. В-третьих, у исследователя возникают естественные трудности идентификации имён, даже при условии их связи с упоминаемыми событиями, географическими пунктами. Все эти погрешности нужно учитывать и обязательно сочетать данные летописей с материалами иных источников.

Шляхта XIV – первой половины XV в. представлена в летописях окружением великого князя Литовского, куда входили другие князья правящей династии, люди, связанные с ними родственными узами, служилые князья, наместники, участники военных компаний.

Внутренняя политика государства в указанный период в значительной степени определялась взаимодействием великого князя со своими ближайшими родственниками, стоявшими во главе тех или иных княжеств, и служилыми князьями, права и обязанности которых были зафиксированы в так называемых докончаниях. Они были его опорой в военных походах и советниками по ключевым вопросам государственной политики. Как пишет М.К.Любавский: «Все эти княжества были особые политические мирки, маленькие государства в государстве, знавшие только своих господарей-князей, а великого князя Литовского только через этих господарей» [8, с. 84].

Летописи Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреиновская имеют разделы под названиями «О великом князе Гедимине и о битве с князем Володимером володимирским», «О князи Станислави киевском», в

которых описывается история завоевания Гедимином в 1320 г. Киева, Владимир-Волынского, Луцка, Житомира, Переяславля, а также раздача городов и земель [9, с. 200–201, 221– 22]. Первым воеводою виленским Румянцевская летопись называет гетмана Гаштольда «с Колюмнов» [9, с. 201].

Сообщают летописи и о том, что когда Ягайло прислал послов к Витовту с просьбой стать великим князем Литовским, Витовт «учинит себе раду с князми своими и паны своими литовскими, с князем Юрем Наримунтовичем Белским и с князем Иваном Олкгимонтовтчом, и с тыми порадился...» [9, с. 206].

Во внешней политике на данном этапе доминировали отношения с Ордой, крестоносцами, Московским княжеством, Новгородом. В контексте этих событий летописи дают немало информации и о представителях политической элиты княжества.

Так, например, в Супрасльской летописи перечисляются «избиенные князья литовские» в битве у р.Ворсклы (1399 г.), среди которых «князь Андрей полоцкий Ольгердович, брат его Дмитрий брянский, князь Иоан Дмитриевич Кындырь, ...князь Иоан Евлашекович, ...князь Лев Коръядович, ...князь Ямонтович, князь Иоан Юрьевич Бельский...» [9, с. 52]. Всего – 16 человек. Новгородская первая летопись среди убитых называет Андрея Ольгердовича, брата его Михаила Евнутьевича, а «всех князии именитых 74, а воевод и Литвы многое множество ту костью падоша» [10, с. 395].

Летописи дают нам убедительное свидетельство, что в индивидуальной картине мире человека рассматриваемого периода уже ясно выступает дихотомия «свой – чужой», возникает представление о «своём» и «чужом» пространстве. «Свой» мир всегда воспринимается упорядоченным, более цивилизованным, противоположным хаосу «чужого» мира. «Свой» мир для летописца – мир православно-христианский. Всё по-за этим миром – мир «чужого». Именно исходя из данного противопоставления автор Устюжской летописи объясняет большие потери «Литвы» в битве на «р.Ворсколе в Татарское земле» (1400 г. – дата в летописи): «...Бог дал князю такова грех ради христианских, был убо прежде Витовт христианин, а имя ему было Александр, отвержесь христианской веры и принял лятскую веру, а церкви святыя преврати на богомерское служение, а мыслил хотел пленити Русскую землю» [11, с. 38].

Значительное место в Летописях уделено отношениям Литвы с Новгородом. Экспансия Литвы на его территории началась в 20-е г. XIII в. и

растянулась на многие десятилетия. Великие князья Литовские стремились удержать Новгород в орбите своего влияния. Проводниками данной политической линии выступали служилые князья. В XIV в. устанавливается практика литовских княжеских кормлений в Новгородской земле. Под 1333 г. в Новгородской летописи содержится следующий рассказ: «Сем же лете вьложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченому в крещении Глебу, сыну великого князя Литовского Гедимины, и присла в Новьгород, ...и позваша его к себе, ...и прияша его с честью, ...и даша ему Лодогу, и Ореховьи, и Корельскьи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отчину и в дедину, и его детям» [10, с. 345–346]. В 1383 г. кормление получил Патрикий Наримантович [10, с. 379], в 1389 г. – князь Лугвень – Семён [10, с. 383]. Последние из Гедиминовичей выехали из Новгородской земли в 70-е г. XV в., а новгородцы «целоваша крест на том, что вотчичев к себе из Литвы не принимать» [11, с. 47].

Своеобразным рубежом в становлении политической элиты княжества выступают события 30-х XV в., вызвавшие раскол в элитных кругах ВКЛ. Эти события ярко рисуются летописцами [12, с. 81–82, с.155–157; 9, с. 163– 65, 189–190, 231–232]. Как справедливо отмечает польский исследователь К.Петкевич, роды, выдвинувшиеся в результате этих событий, их потомки, родственники на протяжении XV в. занимали высшие должности в ВКЛ (Ян Довгирд, Монтыгирдовичи, Саковичи, Гаштольды и другие) [13, с. 83].

В летописных событиях второй половины XV – XVI в. доминирует уже управленческая элита, сосредоточившая в своих руках высшие государственные и военные должности, значительные экономические ресурсы, которая обладала несомненным интеллектуальным потенциалом. Летописи прямо говорят о назначении на высшие государственные должности представителей тех или иных родов. Так о раздаче урядов в 1542 г. великим князем сообщает Евреиновская летопись [9, с. 237]. В летописи Рачинского под 1544 г. в частности записано: «а влады в тот час розданы тым особам нижэйи описаным, то ест пану Грыгорю Грыгоревичу Остиковича панство Виленское, ...пану Ерониму Ходкевичу панство Троцкое, ...князю Семену Пронскому воеводство Киевьское, ...пану Миколаю Юревичу Радивилу подчашое ...» [9, с. 171].

По персональному составу шляхты много информации дают летописные сообщения о военных походах и битвах. Одной из крупнейших битв в военной истории ВКЛ рубежа XV – XVI в. является битва при р.Ведроши

войск великого князя Литовского Александра и московского царя Ивана III [12, с. 166 – 68; 9, с. 166]. В этой битве цвет литовского воинства был или убит или попал в плен. Среди пленных летописи упоминают о гетмане Константине Острожском, воеводе троцком Григории Остиковиче, пане Литаворе Хрептовиче, пане Миколае Глебовиче [12, с. 168]. О дальнейшей судьбе пленных кратко сообщает Архангелогородский летописец: «князь же великийи разосла всех князей литовских и панов по городам в заточение, а князя Острожского. Оковав. Посла в заточение на Вологду. И велел ...и пойти, и кормити довольно, а иным воеводам и князем и паном кормили по полу денге на день..., а князю Острожскому... по 4 алтына на день...» [11, с. 99].

Сообщает летописец и о том, что в 1510 г. «князь великий Василий смирился с королём Жидиментом Литовским, и панов всех собрав, отпусти в Литву» [11, с. 100].

Таким образом, материалы летописей представляют несомненный интерес в плане истории шляхетского сословия, реконструкции структуры политической элиты ВКЛ на определённых стадиях её формирования. Летописи дают ценный материал по персональному составу элиты, отражают связи и факторы, влиявшие на формирование элиты и позволяют проследить циркуляцию внутри элитных групп.

1. Стефанович, П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X – XI веках / П.С. Стефанович. – М.: Индрик, 2012. – 656 с.

2. Шаланда, Аю Баярства Міндоўга: склад і паходжанне / А.Шаланда // Герольд Litherland. – Гародня, 2003. – Год III. – № 1 – 2. – С. 276 – 287.

3. Мікульскі, Ю.М. Грунвальдская бітва 1410 г. у старабеларускай традыцыі / Ю.М.Мікульскі // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы навуковай канферэнцыі, Гродна, 8–9 ліпеня 2010 г. / уклад. А.І. Груша, С.В.Марозава. – 2-е выд. – Мінск: Бел. навука, 2014. – С. 92 – 120.

4. Груша, А. «Чалавек, народжаны ў варварскай краіне»: Ягайла – яго тыпізавання паводзіны / А.І. Груша // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы навуковай канферэнцыі, Гродна, 8–9 ліпеня 2010 г. / уклад. А.І.Груша, С.В. Марозава. – 2-е выд. – Мінск: Бел. навука, 2014. – С. 157 – 170.

5. Mozer, M. Стереотипы Литвы и сведения о ней в древнейших восточнославянских летописях. Новгородская I, Лаврентьевская, Ипатьевская летописи до конца XIII в. / M. Mozer // Studia Slavica. – Budapest, 2004. – V. 49. – № 3 – 4. – С. 229 – 280.

6. Мельникова, Е.А. «Исторический источник неисчерпаем»: к 40-летию школы В.Т.Пашуто / Е.А.Мельникова // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2008. – Вып. 69 (3). – С. 9 – 45.

-
7. Псковские летописи / Под ред. А.Н.Носонова. – М., 1955. – Вып. II. – 363 с.
 8. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – М., 1915. – 402 с.
 9. ПСРЛ. – М., 1980. – Т. 35. – 305 с.
 10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950. – 640 с.
 11. ПСРЛ.– Л., 1982. – Т. 37. – 227 с.
 12. ПСРЛ.– М., 1975. – Т. 32. – 233 с.
 13. Pietkiewicz, K. WKŁ pod rządami Aleksandra Jagellonczyka / K.Pietkiewicz. – Poznań, 1995.